

С. Патканов

**О приросте инородческого населения
Сибири**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С11

С11 **С. Патканов**
О приросте инородческого населения Сибири / С. Патканов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 214 с.

ISBN 978-5-4241-8622-6

Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен.

ISBN 978-5-4241-8622-6

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1. Общія замѣчанія.

65 лѣтъ тому назадъ подъ тѣмъ же заглавіемъ вышло въ свѣтъ первое специальное изслѣдованіе о приростѣ инородческаго населенія Сибири¹⁾. Авторъ этого труда, извѣстный акад. Беръ, пришелъ къ утѣшительному выводу относительно жизнеспособности первобытныхъ народовъ Сибири, такъ какъ изъ сопоставленія прежнихъ статистическихъ данныхъ съ болѣе новыми выяснилось, что инородческое населеніе Иркутской губ., включавшей въ себя въ то время также Якутскую и большую часть нынѣшней Забайкальской области и охватывавшей, такимъ образомъ, половину Сибири, со времени первыхъ ревизій до VIII ревизіи (1835/9 гг.) значительно возрасло, причемъ то же наблюдалось и въ другихъ административныхъ единицахъ страны. Изъ отдѣльныхъ народностей онъ болѣе подробно остановился на якутахъ и бурятахъ и цифровыми данными доказалъ, что они значительно увеличились въ числѣ противъ прежняго. Не имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе детальнаго свѣдѣній о численности за разные годы другихъ, болѣе мелкихъ, народностей Сибири, Беръ не могъ рѣшить, въ какомъ направленіи совершается у нихъ движеніе населенія, но все же онъ высказалъ предположеніе, что, если бродячіе инородцы и дѣйствительно вымираютъ кое-гдѣ, то это явленіе обнаруживается лишь мѣстами, причемъ образовавшаяся убыль населенія быстро пополняется положительнымъ приростомъ другихъ сосѣднихъ группъ инородцевъ, чѣмъ и обуславливается непрерывный ростъ кореннаго населенія не только цѣлыхъ губерній и областей, но и отдѣльныхъ ихъ частей. Эти нѣсколько неожиданные выводы казались бы ставили инородцевъ С.-Азіи въ особенно выгодное положеніе среди другихъ первобытныхъ расъ Стараго и Новаго Свѣта, какимъ то злымъ рокомъ обреченныхъ на вымирание при столкновеніи съ высшей культурой. Хотя и раньше изслѣдователи Сибири обращали вниманіе на угасаніе многихъ, главнымъ образомъ сѣверныхъ, племенъ и на полное исчезновеніе нѣкоторыхъ народностей и отдѣльныхъ вѣтвей нынѣ существующихъ инородцевъ, еще застигнутыхъ русскими завоевателями и первыми поселыниками страны (арины, котты,

1) «Zunahme d. eingeborenen Bevölkerung Sibiriens» — («Beitr. z. Kennt. d. Russ. Reich's», VII, 89—117).

шелаги, ходыльцы, анаулы и друг.), но болѣе всего для выясненія интересующаго насъ вопроса сдѣлалъ Шашковъ¹⁾ и Ядрищевъ²⁾, которые статистическимъ путемъ доказали, что процессъ движенія шпордческаго населенія Сибири совершается не повсемѣстно и не у всѣхъ обитающихъ въ ней народностей въ одинаковой степени благоприятно. Просматривая эти и другія тому подобныя работы, можно, повидимому, придти къ тому выводу, что сѣверныя бродячіе шпордцы и отдѣльныя части другихъ коренныхъ обитателей края не только не увеличились въ числѣ противъ прежнихъ регистрацій, но уменьшились, другими словами, что они находятся въ стадіи медленнаго угасанія, но что главная масса живущихъ далѣе къ югу и востоку кочевниковъ и осѣдлыхъ земледѣльцевъ повидимому растетъ. Твердыхъ основаній для окончательнаго рѣшенія вопроса о приростѣ инородцевъ Сибири подобныя изслѣдованія, однако, все-таки не могли дать, отчасти вслѣдствіе своей отрывочности и отчасти вслѣдствіе неточности и мѣстами невѣрности приводимыхъ въ нихъ данныхъ. Въ особенности это касается трудовъ извѣстнаго изслѣдователя Сибири и публициста Ядрищева, въ которыхъ можно встрѣтить много цифровыхъ данныхъ, явно сомнительнаго характера и часто находящихся въ противорѣчій съ помѣщенными на слѣдующихъ страницахъ того же труда. Въ числѣ другихъ промаховъ, наблюдаемыхъ въ подобныхъ работахъ, посвященныхъ разсматриваемому вопросу, слѣдуетъ отмѣтить частыя смѣшенія другъ съ другомъ разныхъ народностей, въ общезнѣтн извѣстныхъ подъ сборными наименованіями «остяковъ, татаръ» и т. д. и игнорированіе факта измѣненія съ теченіемъ времени границъ и слѣдовательно площадей отдѣльныхъ волостей, округовъ и губерній (областей). Эти недосмотры, свидѣтельствующіе о недостаточной критической оцѣнкѣ приводимыхъ статистическихъ данныхъ, а иногда и о полномъ ея отсутствіи, естественно дѣлали выводы подобныхъ авторовъ мало убѣдительными.

За послѣднее время вопросамъ о приростѣ инородческаго населенія Сибири занимались акад. Шренкъ³⁾, Майновъ⁴⁾, Якобіи⁵⁾, авторъ настоящаго труда⁶⁾ и нѣкоторые другіе.

1) «Истор. этюды», т. II. («Сиб. инор. въ XIX стол.»).

2) «Сибирскіе инородцы» 1891 г. и «Сибирь какъ колонія» (88—93).

3) «Объ инородцахъ Пріамурскаго края», I, 1885.

4) «Нѣкот. данныя о тунгусахъ Якутской обл.» («Тр. В.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. О.», 1898 г., II, 18 сл.).

5) «Остяки сѣв. части Тоб. губ.» («Ежег. Тоб. губ. муз.», IX).

6) «Irtysch-Ostjaken u. ihre Volkspoesie», I, 72—95; «Essai d'une stat. et d'une géogr. d. peuples paléasiatiques de la Sibérie», 1903; «Опытъ геогр. и стат. тунг. плем. Сиб.», 1, 2 выи. (1—5 гл.), т. II, passim.; «Мат. для изуч. эконом. б. кри. и инор. Зап. Сибири», т. I, 14—16, 29 сл., и X стр., 121 сл.; «По Демьянкѣ» («Зап. Зап.-Сиб. О. И. Р. Геогр. Общ.», XVI, выи. 2—3).

Если послѣ этихъ изслѣдованій въ справедливости наблюденія о вымираніи инородцевъ сѣвернаго типа врядь ли кто еще сомнѣвается, то вопросъ, имѣютъ ли правильнѣйшій положительный приростъ кочевые и осѣдлые инородцы, обитающіе въ болѣе культурной полосѣ Сибири, все еще возбуждаетъ споры, причемъ то и дѣло появляющіяся въ печати заявленія изслѣдователей и нерѣдко знатоковъ страны о вымираніи вогуловъ, отдѣльныхъ группъ Зап. Сибирскихъ татаръ, абаканцевъ, бурятовъ и якутовъ (см. ниже) показываютъ, что вопросъ о жизнеспособности упомянутыхъ народовъ все еще не рѣшенъ окончательно.

Изслѣдованія въ этой области становились между тѣмъ съ каждымъ годомъ все болѣе затруднительными вслѣдствіе отсутствія послѣ X ревизіи болѣе или менѣе точнаго исчисленія населенія въ Россійской Имперіи, исчисленія, которое доставило бы заслуживающія довѣріе цифровыя данныя для сравненія ихъ съ данными прежнихъ лѣтъ. Дѣйствительно, какими бы недостатками ни обладали ревизскія сказки (главнымъ образомъ неполнотою), для податной (виѣгородской) части населенія, а тѣмъ болѣе для инородцевъ, которыхъ въ городахъ очень мало, онѣ все же представляютъ регистраціи болѣе или менѣе близкія къ истинѣ, въ особенности послѣднія ревизіи, во время которыхъ число женщинъ опредѣлялось почти столь же точно, какъ и число мужчинъ.

Чтобы въ дальнѣйшемъ не возвращаться къ этому вопросу, скажемъ здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ, тѣмъ были вызваны періодическіе учеты населенія Сибири въ прежнее время и каковы были результаты этихъ операцій. Регистраціи обитателей разсматриваемой страны, по крайней мѣрѣ ея западной части, получила свое начало еще въ серединѣ XVI стол., т. е. въ то время, когда Сибирь еще не принадлежала русскимъ. Извѣстно, что посолъ Сибирскаго царя Эгигера, пріѣхавшій въ 1555 г. въ Москву, чтобы поздравить Іоанна IV съ покореніемъ Казанскаго царства, сообщилъ русскому царю, что его властелинъ имѣетъ 30.700 «черныхъ» людей, т. е. лицъ мужского пола, обязанныхъ ему платить подати¹⁾.

Вскорѣ послѣ этого событія, уже съ конца того же XVI ст., началось присоединеніе къ Россіи одной области Сибири за другой и русскіе, сдѣлавшійся хозяевами страны, сами стали вести учетъ мѣстному инородческому населенію. Въ тѣ эпохи при учетахъ населенія преслѣдовались исключительно фискальныя цѣли, въ виду чего дѣяки и сборщики ясака ограничивались при этомъ переписываніемъ лишь здоровыхъ мужчинъ въ работоспособномъ

1) Буцинскій: «Заселеніе Сибири». 1889 г.

возрастѣ, т. е. способныхъ платить подати, не обращая вниманія на лицъ остальныхъ возрастовъ, на дѣтей, дряхлыхъ, большихъ и женщинъ. Въ началѣ XVII стол. регистраціи подвергались почти только жившіе осѣдло инородцы и небольшая часть бродячихъ, которая изъявила готовность платить ясакъ. Бѣльшая же часть бродячихъ инородцевъ спасалась при появленіи сборщиковъ податей въ лѣса и по большей части избѣгала какъ регистрацію, такъ и платежъ ясака. Позже, съ назначеніемъ у инородцевъ отвѣтственныхъ князьковъ или старинныхъ, стала поступать болѣе полныя свѣдѣнія о численности окладныхъ душъ. Но все же эти данныя отличались въ теченіе XVII в. столь большою неполнотою, что, если бы мы и помножили ихъ на 4 и даже на 5, то и тогда получалось бы общее число инородцевъ обоюго пола значительно меньшее противъ того, которое можно было предполагать даже у тѣхъ изъ нихъ, численность которыхъ за истекшее столѣтіе вовсе не увеличилась и у которыхъ конечно нельзя было ожидать сильнаго прироста населенія въ еще болѣе отдаленныя эпохи. Но и данныя этихъ регистрацій, дошедшія до насъ лишь въ видѣ отрывковъ, не лишены интереса въ другомъ отношеніи — онѣ рисуютъ намъ картину расселенія въ тѣ времена отдѣльныхъ народностей по территоріи Сибіри, группировку ихъ въ волости, роды и по населеннымъ пунктамъ и могутъ дать понятіе объ относительной численности отдѣльныхъ группъ населенія въ концѣ XVI и въ XVII стол. Особенно цѣнными данными этого рода мы обладаемъ касательно группировки въ административныя единицы и о численности Тобольскихъ и части Томскихъ татаръ, вогуловъ, остяковъ и осѣдлыхъ самоѣдовъ¹⁾).

Въ первой четверти XVIII ст. регистрація населенія, сохранившая въ началѣ тотъ же примитивный характеръ, вступила въ новую фазу своего развитія. Въ 1722 г. были учреждены правильно организованныя періодическія переписи податного мужского населенія или *ревизіи*, сначала только лицъ рабочаго возраста, а со времени IV ревизіи (1781/3 гг.) всего мужского и женскаго населенія. И данными первыхъ трехъ ревизій пользоваться для нашей цѣли не представлялось возможнымъ: опредѣленіе *общей численности* извѣстнаго племени на основаніи прежнихъ отрывочныхъ и неполныхъ данныхъ касательно мужского населенія и притомъ *рабочаго возраста*, данныхъ, составленныхъ къ тому же въ разныхъ частяхъ страны различно, естественно не могло бы дать хорошихъ результатовъ. Да и IV ревизія, первая, которая охватывала все населеніе страны, оказывается неурядной для этой цѣли въ виду очевидной неполноты и неточности ея данныхъ.

1) См. труды: Буцинскаго, Кузнецова-Красноярскаго и друг.

Значительныя колебанія въ цифровыхъ данныхъ, наблюдаемыя при сопоставленіи между собою цифръ первыхъ учетовъ населенія Сибиря, имѣютъ впрочемъ и свои спеціальныя и независящія отъ характера регистраціи причины. Въ первыя $1\frac{1}{2}$ —2 столѣтія по присоединеніи страны мѣстное коренное населеніе перенесло цѣлый рядъ сильныхъ потрясеній и крупныхъ переворотовъ въ своей жизни, которые и отразились на точности регистраціи. Аборигены изъ вольныхъ сыновъ лѣсовъ и тундръ были обращены въ податное состояніе и были поставлены въ полную зависимость отъ хищныхъ чиновниковъ и сборщиковъ податей и отъ корыстолюбивыхъ правителей. Требованія, предъявляемыя къ инородцамъ правительственными агентами, заботившимся при этомъ больше о своемъ карманѣ, чѣмъ о прибылн государственнаго казначейства, по большей части настолько превышали платежныя силы населенія, что оно, выбившись изъ силъ, нерѣдко пыталось вооруженной силой освободиться отъ лежавшаго на немъ непосильнаго гнета. Но, такъ какъ подобныя возмущенія и возстанія всегда кончались не въ пользу инородцевъ, то послѣдніе, боясь послѣдующихъ репрессій со стороны русскихъ, по большей части бросали родныя мѣста и бѣжали въ лѣса, за болота, рѣки и горы, въ мѣстности, лежавшія внѣ крупныхъ рѣкъ, служившихъ трактами, и въ тѣ времена недоступныя для русскихъ властей. Особенности размѣры бѣгство инородцевъ приняло, начиная со второй четверти XVII ст., когда цѣлыя волости якутовъ и бурятовъ опустѣли и послѣдующія перисленія не находили нерѣдко и половины ихъ жителей на мѣстахъ приписки. Тамъ же, куда они бѣжали: якуты — на Яну, Индигирку и въ Туруханскій край, буряты — изъ Иркутской губ. въ разныя мѣстности Забайкалья, а оттуда вслѣдъ за Забайкальскими бурятами и тунгусами въ Монголію — они по большей части не подвергались регистраціи и перисленія населенія, сдѣланныя въ серединѣ XVII и въ началѣ XVIII ст., во многихъ случаяхъ вовсе не соответствовали прежнимъ. Впослѣдствіи часть бѣженцовъ возвращалась въ родныя мѣста, другая селилась въ нныхъ раіонахъ, вводя этимъ самымъ большую путаницу въ составленные раньше податныя списки.

Въ эти самыя столѣтія, когда русскіе впервые столкнулись съ Сибирскими инородцами, они перенесли на дѣвственную почву организмовъ этихъ дѣтей природы разныя заразительныя болѣзни, на первомъ мѣстѣ оспу, тифъ и другія эпидеміи, извѣстныя у мѣстныхъ жителей подъ именами: «гнилая горячка, кровавый тифъ» и т. д., а также сифилисъ. Дѣйствіе этихъ болѣзней на инородцевъ было по истинѣ ужасно: какъ подкошенные косой они вымирали цѣлыми родами. Цѣлыя мѣстности быстро опустѣли, впрочемъ не только вслѣдствіе вымирания жителей, но и потому, что оставшіеся въ живыхъ

въ страхѣ старались спасгись бѣгствомъ изъ этихъ очаговъ смерти и этимъ самымъ способствовали распространенію болѣзни по странѣ. За отсутствіемъ точныхъ данныхъ мы даже приблизительно не можемъ опредѣлить число жертвъ, унесенныхъ въ концѣ XVI, въ XVII и въ началѣ XVIII стол. этими эпидеміями, а также голодовками среди Сибирскихъ инородцевъ. Достаточно однако почитать исторію водворенія въ странѣ русскихъ и первыхъ столѣтій ихъ господства, чтобы на каждомъ шагѣ натолкнуться на сообщенія о вымираніи цѣлыхъ родовъ и волостей коренныхъ жителей¹⁾.

Въ виду вышеуказанныхъ и цѣль подобныхъ причинъ исчисленія даже окладныхъ душъ инородческаго населенія Сибири вплоть до конца XVIII ст. показываютъ нерѣдко столь большія колебанія въ обѣ стороны, что далеко не всегда представляютъ изъ себя достовѣрный матеріалъ, годный для какихъ либо сопоставленій и выводовъ.

Но, начиная съ V ревизіи (1795/7 гг.), когда весь ходъ жизни въ Сибири пришелъ въ извѣстный порядокъ и когда и русскія власти лучше освоились со страной и съ подвѣдомственнымъ имъ населеніемъ, цифровыя данныя ревизіи пріобрѣтаютъ все болъшую и болъшую достовѣрность и вотъ съ этими цифрами можно безбоязненно сопоставлять данныя позднѣйшихъ ревизій и переписи 1897 г., если только подвергнуть тѣ и другія соответствующимъ измѣненіямъ и поправкамъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе удобосравнимыми. Въ нашемъ распоряженіи, такимъ образомъ, имѣются болѣе или менѣе точныя статистическія данныя о численности инородческаго населенія Сибири за огромный періодъ времени въ 80—100, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ 120 и болѣе лѣтъ, данныя, которыми, несмотря на ихъ нѣкоторыя недостатки, главнымъ образомъ неполноту, въ особенности касательно числа женщинъ, смѣло можетъ гордиться всякій культурный гражданинъ Россійской Имперіи, потому что врядъ ли въ какомъ-либо другомъ государствѣ всего міра существуютъ столь обстоятельныя учеты первобытнаго населенія за столь значительные періоды времени.

Послѣ X ревизіи 1858/9 г. численность населенія отдѣльныхъ частей Сибири опредѣлялась, за исключеніемъ немногихъ частичныхъ переписей спеціальныхъ изслѣдованій, мѣстными статистическими комитетами, по болъшей части путемъ ежегоднаго прибавленія къ даннымъ послѣдней ревизіи естественнаго прироста населенія за истекшее время. Но, такъ какъ у бродичихъ и кочевыхъ инородцевъ, въ особенности у нехристіанъ, данныя о

1) По Словцову («Истор. обзор. Сиб.», 74) одна осна, свирѣпствовавшая у Нарымскихъ остяковъ въ 1610 г., у Туруханскихъ остяковъ и самоѣдовъ въ 1631 г., у якутовъ въ 1651 г., у камчадаловъ и др. сократила ихъ численность на $\frac{1}{3}$ до $\frac{3}{4}$.

движеніи населенія или вовсе не собираются или отмѣчаются очень не совершенно, то понятно, что полученные указаннымъ способомъ данныя о численности отдѣльныхъ группъ инородцевъ далеко не соответствовали истинному положенію дѣла. Часто же за полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ касательно рождаемости и смертности известной группы инородческаго населенія, ея численность къ 1 января наступающаго года опредѣлялась губернскими статистическими комитетами на глазъ или на обумъ, примѣнительно къ даннымъ предыдущихъ лѣтъ. На этомъ основаніи цифровыя данныя о численности инородцевъ разныхъ племенъ за всѣ годы періода 1859—97 гг., а также послѣдующаго періода, начиная съ 1898 г. по настоящее время, за немногими исключеніями, не пригодны въ качествѣ матеріала для какихъ-либо точныхъ статистическихъ работъ. Лишь въ 1897 г., когда была произведена первая всеобщая перепись населенія Имперіи или вѣрнѣе въ 1904/5 гг., когда были обнаружены ея результаты, дѣло измѣнилось къ лучшему.

Хотя ревизіи опредѣляли *постоянное* принисное населеніе, а обнаруженные Ц. Стат. Комитетомъ результаты переписи даютъ детальныя свѣдѣнія лишь о *наличномъ* населеніи, но касательно численности инородцевъ, за немногими исключеніями (тунгусы, юраки, коряки, чукчи) постоянно пребывающихъ въ предѣлахъ тѣхъ округовъ, гдѣ они проживали или основались въ первыя времена русскаго владычества, это обстоятельство не имѣетъ серьезнаго значенія: тѣ и другія данныя при условіи необходимыхъ поправокъ могутъ считаться болѣе или менѣе однородными и подходящими для сопоставленій¹⁾.

1) Всѣхъ ревизій было 10, причемъ каждая изъ нихъ продолжалась 2—3 и болѣе лѣтъ. Замѣтимъ, что велѣдствіе этого обстоятельства автору настоящей работы нерѣдко представлялось затруднительнымъ приурочить показанія ревизій къ известному году, что необходимо было сдѣлать для вычисленія коэффициентовъ приращенія населенія за періодъ времени между двумя ревизіями. I ревизія имѣла мѣсто въ 1722/3 г.; II — въ 1741/3 г.; III — въ 1761/3 г.; IV — въ 1781/3 г.; V — въ 1795/7 г.; VI — въ 1811/2 г.; VII — въ 1816/8 г.; VIII — въ 1834/9 г.; IX — въ 1851/2 г. и X — въ 1858/9 г. Въ первыя три ревизіи опредѣлялось лишь мужское работоспособное населеніе (въ Сибири по большей части счетъ велел на «луки»), позже регистрировались всѣ мужскія души, а также женщины; послѣднія, впрочемъ, сначала лишь «для счета» и, такъ какъ за пропускъ женскихъ душъ не полагалось штрафа, то женщины заносились въ ревизскія сказки менѣе аккуратно. Какъ это замѣтилъ еще акад. Бергъ, «луки» въ разныхъ частяхъ страны имѣли, повидимому, разное значеніе, а не были приурочены къ известной для населенія цѣлой Сибири возрастной группѣ: напр., у якутовъ подъ этимъ терминомъ, вѣроятно, подразумевалось все взрослое мужское населеніе, у тунгусовъ — лишь работоспособное. Изъ данныхъ III ревизіи относительно остяковъ Обдорской и Куноватской волостей Березовскаго окр. видно, что на 366 ясачныхъ душъ въ 1762 г. числилось 312 неясачныхъ м. д. («престарѣлыхъ и недорослей» — см. Словцовъ, *ibid.*, II, 357—8). Такъ какъ, однако, число послѣднихъ на вѣрное неполное, то можно для Березовскаго окр.,

Не довольствуясь этими данными, авторъ настоящаго труда путемъ спеціальной разработкѣ матеріаловъ переписи получилъ еще болѣе пригодныя для настоящей цѣли цифры. Въ его распоряженіи оказались данныя не только о наличномъ населеніи извѣстныхъ группъ инородцевъ, но во многихъ случаяхъ и о приписномъ, постоянномъ. Такъ какъ волости и управы кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ состоятъ по большей части изъ опредѣленныхъ родовъ, то стоило лишь подсчитать общее число всѣхъ представителей этихъ родовъ, гдѣ бы они ни находились во время переписи, и присоединить къ нимъ проживавшихъ въ предѣлахъ данной волости или управы осѣдлыхъ инородцевъ и тѣхъ изъ бродячихъ и кочевыхъ, которые не показали своей принадлежности къ извѣстному роду, чтобы получить близкое къ истиннѣ число постояннаго населенія разсматриваемыхъ административныхъ единицъ.

Если требовалось опредѣлить число постояннаго населенія осѣдлыхъ инородцевъ, напр. Западно-Сибирскихъ татаръ, которые утратили дѣленіе на роды или роды которыхъ превратились въ управы или волости, то для этого было достаточно подсчитать общее число представителей этихъ управъ или волостей, проживавшихъ не только въ ихъ предѣлахъ, но и въ другихъ управахъ и волостяхъ смежныхъ округовъ или даже цѣлыхъ губерній или областей. Мы считаемъ нужнымъ подчеркнуть тотъ фактъ, что въ приведенномъ нами примѣрѣ осѣдлыхъ тюрковъ, представители отдѣльныхъ волостей которыхъ живутъ черезносно и въ перемежку другъ съ другомъ (а часто и съ русскими) въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ, знаніе одного *наличнаго* населенія вообще ничего не даетъ. Въ виду этого во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, а тѣмъ болѣе, если дѣло касалось бродячихъ или кочевыхъ инородцевъ, за однимъ, впрочемъ, исключеніемъ—якутовъ, авторъ естественно пользовался лишь приписнымъ населеніемъ, полученнымъ указаннымъ выше путемъ¹⁾.

а можетъ быть и для другихъ округовъ, принять, что въ середнѣ XVIII стол. 1 платежная м. д. соответствовала двумъ м. д. всѣхъ возрастовъ и прибл. 4 д. об. и. Лишь со времени II Ясачной Комиссіи (1828/35 гг.) стали налагать ясакъ на здоровыхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 18 до 50 лѣтъ.

1) Ревизіи даютъ цифры виѣгородскаго населенія. Такъ какъ бродячіе инородцы въ городахъ почти не живутъ, а заходятъ въ нихъ лишь случайно, то мы для этой категоріи инородцевъ сопоставляли данныя ревизій со всѣмъ ихъ числомъ по переписи. Что касается до кочевыхъ и осѣдлыхъ инородцевъ, часть которыхъ, хотя и небольшая, проживаетъ въ городахъ, то мы для 1897 г. брали или одно виѣгородское населеніе, или сравнивали отдѣльно данныя касательно городскаго и виѣгородскаго населенія. Замѣтимъ, что ревизіи не даютъ полнаго числа первобытныхъ обитателей страны, живущихъ виѣ городовъ: осѣдлые инородцы, перечисленные или перечислившіеся въ другія сословія: крестьянъ, мѣщанъ и каза-

Имѣя въ виду избѣжать педочеты своихъ предшественниковъ, а также ошибки и неточности въ своихъ таблицахъ и выводахъ, авторъ обратилъ особенное вниманіе на выборъ подходящихъ цифровыхъ данныхъ и путемъ введенія въ нихъ надлежащихъ поправокъ, которыя приводятся и объясняются въ выноскахъ, постарался сдѣлать ихъ болѣе или менѣе однородными, а слѣдовательно и удобосравнимыми. Несмотря, однако, на все это онъ долженъ сознаться, что далеко не во всѣхъ случаяхъ ему это вполне удалось. При наличности нѣсколькихъ данныхъ за прежніе годы онъ всюду отдавалъ предпочтеніе даннымъ послѣднихъ ревизій и II Ясачной Коммиссін (1828—35 гг.), какъ наиболѣе достовѣрнымъ исчисленіямъ, а также цифрамъ специальныхъ изслѣдованій, лишь въ крайности прибѣгая къ другимъ менѣе точнымъ и часто сомнительнымъ источникамъ (см. выше) и къ «Спискамъ населенныхъ мѣстъ» 1864—71 гг. (изд. Центр. Стат. Ком.), въ которыхъ численность отдѣльныхъ народностей опредѣлена не путемъ точной ихъ регистраціи, а путемъ подсчета числа всѣхъ жителей, достигнутыхъ въ селеніяхъ, принадлежащихъ къ извѣстнымъ племеннымъ группамъ, не взирая на ихъ дѣйствительную національность. При этомъ, гдѣ было возможно, авторъ при вычисленіи коэффициентовъ естественнаго приращенія населенія старался брать данныя, раздѣленные болѣе или менѣе значительными промежутками времени, потому что только при соблюденіи этого условія можно было разсчитывать учетъ и періодически случающіяся въ Сибири эпидеміи, голодовки и тому подобныя задерживающія приростъ населенія бѣдствія и получить болѣе близкую къ истинѣ картину естественнаго приращенія инородцевъ.

Такъ какъ при опредѣленіи численности извѣстнаго племени убыль отдѣльныхъ группъ его можетъ маскироваться положительнымъ приростомъ другихъ, то въ случаяхъ, гдѣ онъ сомнѣвался въ его дѣйствительной жизнеспособности, онъ дѣлалъ сопоставленія, пользуясь болѣе дробными его частями — волостями, управами, селеніями и родами, что всегда давало возможность имѣть болѣе ясный отвѣтъ на вопросъ.

ковъ не могутъ быть выдѣлены изъ главной массы этихъ сословій русскаго происхожденія (см. стр. 11). Чтобы сдѣлать сопоставляемыя данныя болѣе удобосравнимыми, мы и въ нашихъ таблицахъ брали не все коренное населеніе 1897 г., а лишь принадлежащее къ сословію инородцевъ, хотя въ виду очень небольшого числа туземцевъ, перешедшихъ въ крестьянское, мѣщанское и казачье сословія послѣ 40-хъ годовъ истекшаго столѣтія, эта поправка можетъ имѣть значеніе лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ. Спѣшимъ оговориться, что численность коренныхъ жителей крестьянскаго и мѣщанскаго сословій можетъ быть опредѣлена въ настоящее время лишь въ томъ случаѣ, если они сохранили родной языкъ (въ противномъ случаѣ ихъ по статистическимъ даннымъ нельзя отличить отъ русскихъ, а такихъ большинство).

Принимая въ соображеніе, что регистрація женщинъ во время составленія ревизскыхъ сказокъ, особенно до середины истекшаго столѣтія, совершалась менѣе тщательно, чѣмъ учетъ мужчинъ (см. выше), вычисленія коэффициентовъ естественнаго приращенія произведены въ настоящей работѣ по большей части лишь для мужского населенія (въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для обоого пола и рѣже также для женщинъ).

Несмотря, однако, на указанныя предосторожности, во многихъ случаяхъ обнаружился слишкомъ значительный приростъ инородческаго населенія (12—23 ‰ въ 1 г.) за болѣе отдаленные отъ насъ періоды времени, часто во много разъ превосходящій приростъ его за послѣднія десятилѣтія. Это столь рѣзкое измѣненіе въ высотѣ коэффициента прироста нельзя, однако, во всемъ объемѣ принимать за дѣйствительный фактъ и придавать ему серьезное значеніе. Хотя во многихъ случаяхъ и можно допустить, что инородческое населеніе раньше росло быстрее, чѣмъ теперь, по въ большинствѣ случаевъ этотъ сильный приростъ находитъ себѣ объясненіе въ неполнотѣ учета населенія въ прежнее время. Если же мы все-таки принуждены были приводить эти данныя, за неизмѣнимъ лучшихъ, то въ значительной степени въ виду того соображенія, что они все же являются показателями положительнаго и притомъ значительнаго роста известной группы инородцевъ. Дѣло въ томъ, что встрѣчается не мало и такихъ случаевъ, гдѣ, даже несмотря на указанную неполноту прежнихъ ревизій и другихъ регистрацій, нѣкоторыя инородческія племена или ихъ части все-таки не показываютъ увеличенія населенія, а иногда даже прямо обнаруживаютъ убыль противъ прежнихъ лѣтъ. Подобные случаи, несомнѣнно свидѣтельствующіе о дѣйствительномъ вымирании инородцевъ, естественно представляютъ для насъ наибольшій интересъ.

Не мѣшаетъ напомнить, что такое уменьшеніе численности инородцевъ нельзя объяснить, ни ихъ обрусѣніемъ, ни ихъ ассимиляціей съ русскими и съ другими народностями Сибири, потому что въ виду различія сословія русскаго и кореннаго населенія края¹⁾, сопровождаемаго различіемъ въ правахъ и

1) Русское населеніе принадлежитъ, главнымъ образомъ, къ крестьянскому и въ меньшей степени къ мѣщанскому и казачьему сословіямъ (остальныя сословія среди сельскаго населенія малочисленны, если исчитать ссыльныхъ разныхъ категорій, представляющихъ изъ себя однако не сословіе, а состояніе). Коренное населеніе, напротивъ, почти въ полномъ составѣ принадлежитъ къ сословію инородцевъ, которое юридически дѣлится на три разряда (бродячихъ, кочевыхъ и осѣдлыхъ) и небольшая часть къ казакамъ (Забайкальская обл.). Остальныхъ сословія среди него крайне мало. По въ прежнее время, приблизительно отъ середины двадцатыхъ до середины 40-хъ годовъ истекшаго столѣтія, осѣдло живущихъ и занимавшихся земледѣліемъ инородцевъ периодически переводили въ крестьянское и мѣщанское